
ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ОБЩЕСТВА

УДК 911.37314.728

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТОЛИЦЫ РОССИИ И ИХ ПРИГОРОДЫ: ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОГО БАЛАНСА

© 2018 г. Н. В. Мкртчян^{1,2}

¹ Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, Россия

² Институт географии РАН, Москва, Россия

e-mail: nmkrtyan@hse.ru

Поступила в редакцию 05.03.2018 г.

Принята в печать 27.07.2018 г.

Региональные столицы и их пригороды принадлежат к немногочисленным устойчивым точкам роста населения в России. В статье на основе близости к региональному центру выделены пристольные территории для 72 региональных центров России (исключая Московскую, Ленинградскую области и ряд других субъектов Федерации). Для их характеристики использовались показатели миграционного прироста (убыли) населения за 2012–2016 гг., рассчитанные на основе Базы данных показателей муниципальных образований как в целом, так и по составляющим, с выделением: 1) внутри-, межрегиональной и международной миграции и 2) показателей миграции по 5-летним возрастным группам. Анализ показал, что миграционный баланс крупных городов и их пригородов не имеет четко выраженной региональной специфики: активно притягивающие мигрантов региональные центры и их пригороды преобладают во всех частях страны, что доказывает распространенность центростремительного тренда миграции. Пригороды от региональных столиц в среднем отличаются не только более интенсивный миграционный прирост, но и особенности его структуры. Центры притягивают молодежь, прежде всего в возрасте поступления в вуз; пригороды, напротив, привлекательны для семей с детьми и населения в средних и пожилых возрастах.

Ключевые слова: региональные центры, пристольные территории, пригороды, миграция, возраст мигрантов, Россия

DOI: 10.1134/S2587556618060110

ВВЕДЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В России после определенной заминки, связанной с трансформационным кризисом 1990-х годов, возобновилась миграция в крупные и крупнейшие города. Исследователи связывают это с незавершенностью российской урбанизации [14, 16], слабым и практически незаметным для статистики переходом к субурбанизации и контрурбанизации — стадиям развития процесса урбанизации в большинстве западных стран. Запоздывание России подтверждает динамика численности населения городов разного размера — увереннее растут крупные города [20], выигрывающие за счет миграционной привлекательности [8, 10]. Однако притягательность крупнейших городов для мигрантов распространяется и на ближайшие территории, на их пригороды, интенсивность притока мигрантов в которые зачастую бывает очень высокой. Поэтому среди лидеров роста — города Московской и Ленинградской областей и города-спутники ряда региональных столиц.

Однако городами дело не ограничивается. Вблизи многих региональных столиц концентри-

руется сельское население, которое растет благодаря хорошей транспортной доступности центра и возможностей многообразных связей с ним. Поэтому практически в каждом российском регионе единственный центр роста населения формируют столица и ее пригороды, что особенно заметно на фоне стабильного сокращения населения внутрирегиональной периферии.

Изучение динамики населения и миграционного баланса крупных городов и их пригородов проводится в разных аспектах. Зачастую предметом исследования становятся непосредственно региональные столицы [9] или города отдельно от своего окружения [25]. Подробно крупный город и его пригороды изучены на примере Московского столичного региона [11, 19], где проанализирована сезонная субурбанизация, а также связанные с движением населения между столицей и пригородами иные формы возвратной мобильности [12]. По другим регионам работ немного, в качестве примера комплексного изучения пригородов можно привести работы коллег из Иркутска [4–6] и Улан-Удэ [2]. По всей России или боль-

шим ее частям крупные города и их пригороды не рассматривал, насколько известно автору, никто.

Схожим путем точечного рассмотрения городов и их пригородов идут исследователи в странах Восточной Европы, анализируя процесс субурбанизации и развития пригородов на примере столиц стран или отдельных крупнейших агломераций [24, 26]. Однако если российские [15] и, например, украинские [18] исследователи видят только отдельные признаки субурбанизации, связанные с опережающим ростом населения в пригородах, во многих постсоциалистических странах переход к данной стадии уверенно отмечается исследователями уже в 1990-е годы [28, 29], и исследовательские вопросы ставятся уже к качественной составляющей этого процесса. При этом, как и в постсоветских странах [18], восточноевропейские исследователи пишут о несовершенстве статистики, которая не позволяет оценить реальные изменения расселения в пригородах крупных городов [26].

Исследователями в западных странах накоплен большой опыт изучения проблем развития городов и их пригородов [17, 27], роль миграции изучается на протяжении многих десятилетий. К настоящему времени фокус исследований сместился от непосредственно анализа масштабов соотношения динамики населения в системе город–пригород к анализу структурных характеристик населения (например, [31]), особенностей естественного движения населения [23] и др. С некоторым временным лагом структурные особенности роста населения пригородов стали изучаться в странах Восточной Европы, например, выделяются отдельные составляющие роста населения пригородов [26]. В России подобных исследований крайне мало, не хватает статистических данных, а те, что есть, связаны рамками действующего административно-территориального деления.

В предлагаемой статье ставится задача оценить миграционный баланс населения региональных столиц России¹ и их пристоличных территорий (с учетом отдельных составляющих миграции – внутри-, межрегиональной и международной), а также выявить особенности возрастных характеристик миграционного прироста (убыли) населения в центрах и пригородах.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И ДАННЫЕ

В статье рассматриваются региональные столицы и их пригороды в 72 регионах России. Из анализа были исключены центры ряда регионов Крайнего Севера (Салехард, Магадан, Нарьян-Мар и Анадырь) из-за малочисленности их насе-

ления и фактического отсутствия пригородов. Также не были включены в рассмотрение из-за нехватки статистической информации по миграции или численности населения центры и их пригороды республик Дагестан, Ингушетия, Тыва и Крым. Города Севастополь, Москва и Санкт-Петербург вместе с их областями в данной статье не рассматриваются, так как в силу своего размера и огромной привлекательности для мигрантов эти крупнейшие центры несопоставимы с остальными региональными центрами и их пригородами и заслуживают отдельного анализа. Но надо помнить, что отрицательные результаты межрегиональной миграции для рассмотренных в данной статье территорий объясняются именно исключением из анализа Москвы и Санкт-Петербурга.

В качестве пристоличных (пригородных) территорий рассматриваются муниципальные образования ранга муниципального района (МР) или городского округа (ГО), непосредственно примыкающие к территории столицы региона (соответствующего ГО). Ограниченность при анализе региональных столиц и их пригородов рамками существующего административно-территориального деления России требует обозначить особенности, которые необходимо учитывать при их выделении. Прежде всего, часть столичных ГО образуют только сами региональные столицы, но в отдельные ГО включено население немалого числа населенных пунктов. Так, ГО “город Краснодар” включает 21 поселок, 5 хуторов и 1 станицу с общим (сельским) населением 91,5 тыс. чел., ГО “город Барнаул” – пгт Южный с населением 20 тыс. чел. и сельские населенные пункты, в которых проживало 44,8 тыс. чел. на начало 2017 г. В качестве жителей региональных столиц в данной статье рассматривается население всего ГО, со всеми входящими в него населенными пунктами. Данные по миграции отдельно по ним в используемом нами источнике не приводятся. Фактически подчиненные региональной столице пункты, входящие с ней в один городской округ, могли бы рассматриваться в качестве пригородов, но это невозможно сделать в силу информационных ограничений.

Как и в исследованиях других авторов [18], при выделении пристоличных (пригородных) территорий основным критерием служит соседство МО непосредственно с территорией столичного ГО. Наличие общей границы учитывалось не автоматически: в каждом случае оценивалось, помимо соседства, и наличие сети поселений, примыкающих к ней. Например, если городской округ велик, а соседнее МО имеет с ним небольшой участок общей границы, оно может не рассматриваться в качестве пригорода.

Официальные или неформально считающиеся таковыми в регионах перечни пригородных тер-

¹ В данной статье понятия “региональная столица” и “региональный центр” автор использует как синонимы.

Таблица 1. Группировка столиц регионов по типу выделенных пригородных зон

Тип пригородной зоны	Столицы регионов
Состоящая из одного МР или ГО (37)	Белгород, Кострома, Орел, Смоленск, Тверь, Ярославль, Петрозаводск, Сыктывкар, Архангельск, Вологда, Мурманск, Новгород, Псков, Майкоп, Элиста, Астрахань, Нальчик, Владикавказ, Ставрополь, Йошкар-Ола, Ижевск, Оренбург, Курган, Тюмень, Ханты-Мансийск, Горно-Алтайск, Абакан, Барнаул, Чита, Омск, Томск, Якутск, Петропавловск-Камчатский, Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Биробиджан
Состоящая из одного МР и одного ГО (4)	Брянск, Тамбов, Чебоксары, Кемерово
Состоящая из двух и более МР или трех и более ГО (28)	Владимир, Воронеж, Иваново, Курск, Липецк, Рязань, Калининград, Краснодар, Волгоград, Ростов-на-Дону, Черкесск, Грозный, Уфа, Саранск, Казань, Пермь, Киров, Нижний Новгород, Пенза, Самара, Саратов, Ульяновск, Екатеринбург, Челябинск, Улан-Удэ, Красноярск, Иркутск, Новосибирск
Без выделения пригородов (3)	Калуга, Тула, Южно-Сахалинск

риторий учитывались, но не брались за основу, как и границы городских агломераций, даже если они обозначены в соответствующих схемах территориального планирования. Например, для Улан-Удэ в качестве пригородных территорий учтены три МР — так считают местные эксперты [3], несмотря на то, что агломерация Улан-Удэ включает четыре МР. В качестве пригородов Красноярска были выделены Дивногорск и Сосновоборск, а также Березовский и Емельяновский МР, и не включены Железнодорожный (это закрытое административно-территориальное образование (ЗАТО) и по нему отсутствует информация), а также Манский и Сухобузимский МР ввиду их сильной удаленности от краевого центра.

В данной статье при выделении пригородов критерий связности территории с центром, например, посредством совершения ежедневных трудовых поездок (наиболее частый критерий дельмитации городских агломераций [11]), не принимался во внимание. Учитывалась реальная близость, наличие сети расположенных близко к границе ГО населенных пунктов, выявляемых визуально при помощи Yandex.map. Получившиеся пригородные зоны по составу включенных в них территорий можно сгруппировать следующим образом (табл. 1).

1. Состоящая только из одного граничащего со столичным ГО, часто одноименного с ним МР, например, для Смоленска — Смоленский МР, для Хабаровска — Хабаровский МР. Обычно одного пристольного района достаточно, чтобы отграничить пригороды небольшой или средней по численности населения региональной столицы. Эта группа объединяет 34 пригородных территории. Еще у трех региональных столиц в силу разных причин пригород формирует один городской округ, например, ГО “город Артем” для Владиво-

стока (в силу особенностей географического положения), ГО “Жатай” — для Якутска, ГО “город Новоалтайск” — для Барнаула. Как указывалось выше, в ГО “город Барнаул” входят, помимо Барнаула, 26 населенных пунктов, которые могли бы формировать его пригород, но уже включены в черту ГО и их отдельный анализ невозможен.

2. Граничащий со столичным ГО муниципальный район и один городской округ — это Брянский район и ГО “г. Сельцо” — для Брянска, Тамбовский район и ГО “город Котовск” — для Тамбова, Кемеровский район и ГО Березовский — для Кемерово, Чебоксарский район и ГО Новочебоксарск — для Чебоксар. Таких пригородов выделено четыре, к этой группе могли бы быть отнесены также пригороды Томска, но отсутствуют данные по ЗАТО “Северск”.

3. Несколько муниципальных образований, граничащих со столичным ГО. Самые большие и сложные по составу пригороды формируются либо около крупнейших, с населением 1 млн и более, региональных столиц, либо рядом с ГО, имеющими сравнительно небольшую территорию, включающую региональный центр без прирезок сельских территорий, и не окруженные территорией одного пристольного МР. Такие пригороды выделены для 28 региональных столиц. Чем крупнее региональный центр, тем, как правило, сложнее четко и однозначно выделить его пригороды.

Особый случай: в пригородную зону города Краснодара (ГО “Город Краснодар”) был включен МР соседнего региона — Тахтамукайский МР Республики Адыгея.

4. Для части региональных столиц пригороды не выделялись. Прежде всего, для тех столичных ГО, которые включали, помимо собственно города, большое число иных населенных пунктов, административно подчиненных ему. Получившая-

ся большая по размеру территория ГО граничит сразу с несколькими МО, чьи центры и основные населенные пункты значительно удалены от региональной столицы. Таких примеров немного: ГО Калуга (граничит с пятью МР), Тула (с 2014 г. она включила в свой состав пристольичный Ленинский МР с 64 тыс. преимущественно сельского населения) и Южно-Сахалинск (граничит почти со всей южной частью острова). Гипотетически огромные размеры пригородной зоны, определенные методом соседства с ГО, в данном случае привели бы к размыванию понятия пригорода и его несопоставимостью с другими регионами.

Источником статистической информации служила База данных показателей муниципальных образований (БДПМО), размещенная на сайте Росстата. Использовались показатели миграционного прироста населения (долговременная миграция) по отдельным потокам и возрастным группам, а также численности населения по возрастным группам за 2012–2016 г., т.е. за весь доступный на данном ресурсе период. По некоторым регионам в базе данных содержатся показатели не за все исследуемые годы, поэтому были рассчитаны средние показатели за имеющиеся годы. Например, если в базе данных отсутствовали показатели за 2012 и 2016 гг., то рассчитывался средний показатель за 2013–2015 гг. В БДПМО отсутствует информация по ЗАТО. В составе пристольичных территорий ЗАТО немного, из крупных по числу жителей — г. Северск Томской области и Железногорск Красноярского края, их исключение из анализа не сильно исказит его результаты.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Региональные столицы в России и их пригородные территории находятся не только в тесном пространственном взаимодействии, между ними постоянно перераспределяются территории. Причем перераспределение происходит почти исключительно в пользу столиц: только за межпереписной период 2003–2010 гг., по не вполне полным оценкам (они, например, не учитывали Москву, Санкт-Петербург и их пригороды), 23 региональных столицы приросли за счет присоединения пригородных территорий и только 3 немного уменьшили население; в итоге приращение населения за счет административно-территориальных преобразований составило около 450 тыс. чел. В течение 2011–2016 гг. поглощение региональной столицей территории пригорода было только в 2013 г., когда в состав Тюмени были включены соседние населенные пункты с общей численностью населения 22.3 тыс. чел.

Чаще всего присоединялись территории наиболее активно растущих ближайших пригородов, в результате чего столицы получали не только до-

полнительное население, но и территории, которые активно застраивались и продолжали расти опережающими темпами; таким образом пригороды лишались в основном наиболее динамично развивающихся территорий. Тем не менее в 2003–2010 гг. пригороды увеличивали население быстрее, чем сами региональные столицы [13]. В целом региональные столицы и пристольичные территории увеличивали население все постсоветские годы, и не только в России, но и, например, в Украине [18] и Беларуси [20], тогда как население периферийных территорий непрерывно сокращалось. Миграция из периферийных территорий в центры и их пригороды — основная причина разнонаправленной динамики населения центров и периферии [21].

В рассматриваемый период 2012–2016 гг., судя по данным текущего учета, прирост населения столиц и их пригородов контрастировал с сокращением населения за их пределами (табл. 2). Во многих регионах столица и ее пригороды — единственная точка демографического роста населения [5, 21].

Существенные отличия отмечаются между центрами, пригородами и остальными территориями не только в показателях миграционного баланса, но и естественного движения. И это при том, что традиционно не крупные города, а именно глубинка обеспечивала общий рост населения России. Более высокий суммарный коэффициент рождаемости сохраняется в сельской местности и в настоящее время, однако миграция существенно перераспределяет в пользу крупных городов молодое население, что ведет в них к омоложению населения и росту рождаемости.

Миграционный прирост (убыль) в 2012–2016 гг. Население изучаемых в данной статье региональных столиц и их пристольичных территорий в среднем за 2012–2016 гг. составило 48.9 млн чел., из них в региональных столицах проживали 38.7 млн, в их пригородах — 10.2 млн. Ежегодный прирост населения за счет миграции в среднем составил 307 тыс. чел., в том числе 194 тыс. — за счет внутрироссийской и 113 тыс. — международной миграции. При этом весь прирост рассмотренных территорий во внутрироссийской миграции обеспечивался за счет внутрирегиональных перемещений, так как в целом из региональных столиц и пристольичных территорий зафиксирован небольшой (около 14 тыс. чел. ежегодно) отток населения в Москву, Санкт-Петербург и их области.

Основной приток мигрантов, почти 3/4, пришелся на региональные столицы, но его интенсивность была выше в пригородах (табл. 3), причем различия в интенсивности притока обеспечивает только внутрирегиональная миграция, показатели межрегиональной и международной

Таблица 2. Компоненты изменения численности населения рассматриваемых регионов, 2012–2016 гг., на 1000

Объект	Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост	Административно-территориальные преобразования
Все население рассматриваемых регионов, в том числе:	–0.3	–0.4	0.1	0.0
Столицы регионов и пристольичные территории, всего	7.5	1.2	6.3	0.0
Столицы регионов	7.2	1.4	5.8	0.1
Пристольичные территории	8.3	0.5	8.2	–0.4
Остальные территории	–6.1	–1.5	–4.5	0.0

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации, статистические бюллетени за 2013–2017 гг.; БДПМО.

Таблица 3. Нетто-миграция населения столиц и пристольичных территорий в зависимости от числа жителей региональных столиц, в среднем за 2012–2016 гг., на 1000 постоянного населения

Объект	Вся миграция	В пределах России	Из нее:		Международная
			внутри-региональная	меж-региональная	
Региональные столицы и пристольичные территории, всего	6.3	4.0	4.3	–0.3	2.3
Региональные столицы	5.8	3.5	3.8	–0.3	2.3
В том числе с числом жителей, тыс. чел.:					
более 1000	6.2	4.1	3.1	1.1	2.1
500–1000	6.9	4.6	4.2	0.4	2.3
250–500	5.0	2.4	4.6	–2.2	2.6
менее 250	1.3	–1.2	3.5	–4.7	2.5
Пристольичные территории	8.2	5.8	6.1	–0.3	2.4
В том числе с числом жителей в столице, тыс. чел.:					
более 1000	7.9	6.0	5.7	0.3	1.9
500–1000	11.0	8.4	8.1	0.3	2.6
250–500	6.0	3.0	4.9	–1.8	2.9
менее 250	6.4	3.9	5.7	–1.8	2.5

Источник: Росстат, БДПМО.

миграции абсолютно схожи. Получается, что не столько региональные столицы, сколько их пригороды – бенефициары внутрирегионального перераспределения населения.

Интенсивность прироста (убыли) населения за счет миграции в региональных столицах в среднем находилась в диапазоне от –11.1 на 1000 в Черкесске до 24.7 в Тюмени. В пристольичных территориях разброс данного показателя был сильнее: от –15.0 на 1000 в пригороде Якутска Жатае и –10.5 в Пригородном районе Владикавказа до 47.1 на 1000 в Благовещенском МР Амурской и 38.3 в Оренбургском МР Оренбургской области. Эти крайние случаи – пример небольших по численности жителей, представленных единственным МО пригородов; для более обширных

пристольичных территорий характерен меньший разброс показателя.

Наиболее высокие темпы прироста за счет миграции населения как в саму столицу, так и в ее пригороды демонстрировали Калининград и Краснодар. Суммарные высокие темпы роста имели также Тюмень, Ханты-Мансийск и Красноярск, но они обеспечивались в основном за счет притока мигрантов непосредственно в столичный город. В основном же миграционный прирост пристольичных территорий сильно опережает региональные столицы – Смоленск, Ярославль, Уфа, Ставрополь, Оренбург, Пенза, Горно-Алтайск, Улан-Удэ, Иркутск, Благовещенск и некоторые другие имеют невысокий миграцион-

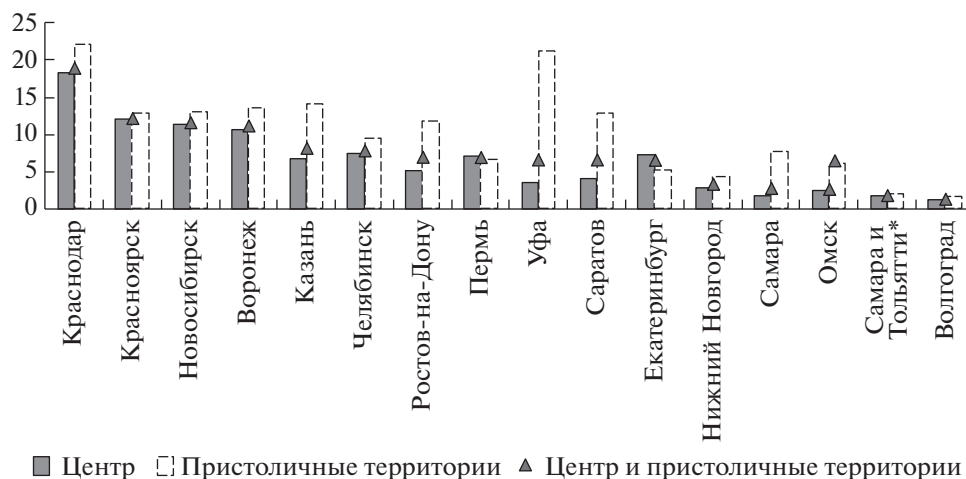

Рис. 1. Миграционный прирост населения региональных столиц и их пригородов с суммарным числом жителей более 1 млн чел., в среднем за год, 2012–2016 гг. (ранжированы по интенсивности суммарного миграционного прироста на 1000 населения). * включая в пригороды г. Тольятти и Ставропольский МР. *Источник:* Росстат, БДПМО.

ный прирост по сравнению со своими пригородами.

В группе лидеров по миграционному приросту населения города-миллионеры и их пригороды не преобладают, хотя они, казалось бы, обладают наибольшими для этого возможностями в условиях центростремительности миграции в России. Среди региональных столиц наиболее высокие темпы прироста в среднем демонстрируют города с населением 0.5–1 млн чел., это же касается и их пригородов. И это при том, что именно города с населением более 1 млн чел. имеют достаточно значимый прирост за счет межрегиональной миграции, т.е. перетягивают, наряду с Москвой и Санкт-Петербургом, население у своих соседей (см. табл. 2). Именно из-за межрегионального перетока населения сравнительно небольшие региональные столицы и их пригороды имели меньший по интенсивности миграционный прирост; параметры внутрорегиональной и международной миграции мало зависели от размера центра.

Региональные столицы и пристоличные территории с суммарным населением, превышающим 1 млн чел. (помимо самих городов-миллионеров в эту группу включены Краснодар и Саратов), демонстрируют серьезные различия по показателю миграционного прироста (рис. 1). Столицы-миллионеры имеют обширные, составленные из нескольких МО, пригороды, средняя численность жителей которых превышает 360 тыс. чел.

У крупнейших городов — региональных столиц и их пригородов нет четкой зависимости миграционного прироста населения ни от их размера, ни от пространственного положения. Ощутимого бонуса роста не имеют южные города: при лидерстве Краснодара на противоположном крае

рейтинга располагаются Волгоград и Самара. Суммарное население Самары и Тольятти с пригородами ставит их на первое место — 2.2 млн чел., но это также не обеспечивает приток мигрантов.

Очень высокий темп миграционного прироста пригородов Казани, Ростова-на-Дону, Уфы и Саратова помогает им опередить Челябинск, Пермь и Екатеринбург, в которых прирост сосредоточен в пределах столичного ГО. Но лидеры рейтинга городов-миллионеров сочетали интенсивный миграционный прирост как столицы, так и пригородов. Это лидерство обеспечили, во-первых, значительный прирост за счет межрегиональной миграции, который в Краснодаре и его пригородах перекрыл даже приток из других МО края; во-вторых — средний и выше среднего (в Красноярске и пригородах) приток внутрорегиональных мигрантов.

Напротив, столицы и их пригороды, расположенные на другом конце рейтинга, имели убыль в межрегиональной миграции (наиболее ощутимую — Омск и Волгоград, не случайно в разнообразных рейтингах эти города называются “бедные миллионники”) и очень низкий приток внутрорегиональных мигрантов (Самара и Нижний Новгород). Такие параметры внутрорегиональной миграции для столиц могли сложиться в результате оттока их жителей в пригороды, но и те не демонстрировали высокого миграционного прироста. В отличие от 1990-х — начала 2000-х годов эти города не могут перетянуть мигрантов из соседних регионов, и даже для жителей собственной внутрорегиональной периферии не являются, по всей вероятности, главными центрами притяжения.

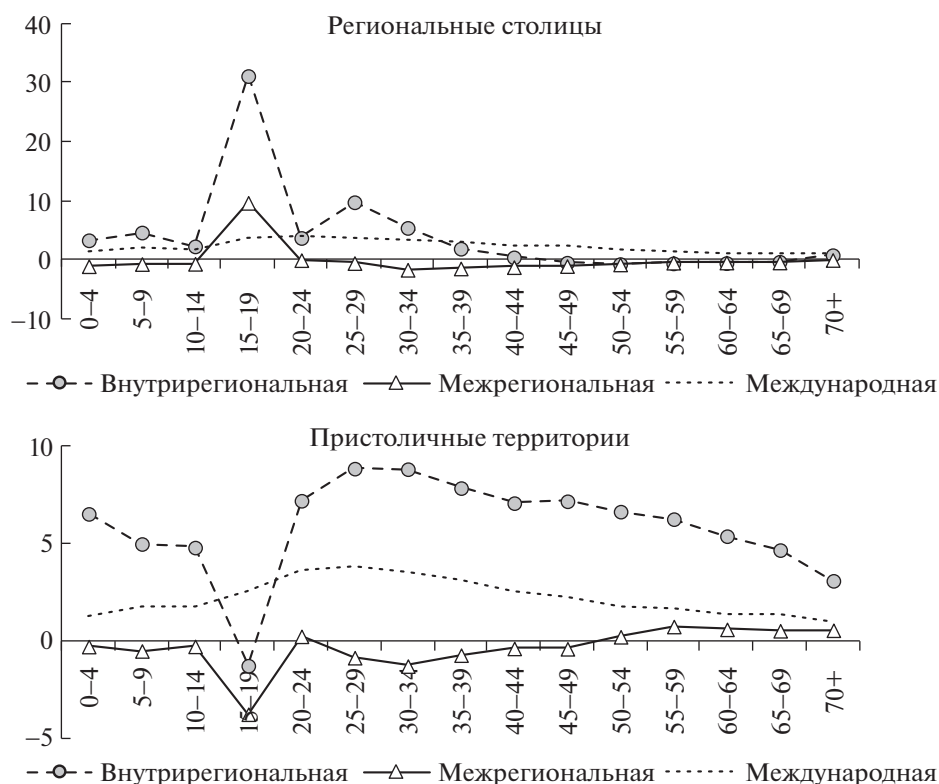

Рис. 2. Нетто-миграция населения региональных столиц и пристоличных территорий по потокам, в среднем за год, 2012–2016 гг., на 1000 постоянного населения соответствующего возраста. *Источник:* Росстат, БДПМО.

Среди региональных столиц и их пригородов с меньшим населением наиболее высокие темпы миграционного прироста демонстрируют центры регионов, в которых успешное социально-экономическое развитие региона сочетается с выгодным пространственным положением (Калининград, Белгород), что привлекает как межрегиональных, так и международных мигрантов. Это также столицы регионов, чья периферия которых сохранила достаточно солидный потенциал миграции, которая направляется именно в свои центры (Улан-Удэ, Горно-Алтайск, отчасти Ставрополь). Здесь опережающим темпом растут пригороды, так как переселенцы из сельской местности и поселков не обладают в большинстве своем значительными средствами для покупки или строительства жилья в черте города и поселяются в пригородах [2]. Особняком стоит рассматривать случай Тюмени, которая привлекает много состоятельных переселенцев из нефтегазовых Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО.

Возрастные особенности миграции. Помимо общей интенсивности миграционного прироста (убыли) населения, региональные столицы и их пригороды существенно различаются по его структурному составу. **Региональные столицы** притягивают прежде всего молодежь студенческих возрастов и в целом молодое население:

в 2012–2016 гг. лица в возрасте 15–19 лет обеспечивали 40% миграционного прироста во внутрирегиональной миграции и 37% общего миграционного прироста, 15–29-летние – 73 и 69% соответственно. Пристоличные территории, напротив, были привлекательны для населения всех возрастов, за исключением 15–19-летних (рис. 2).

Во внутрироссийской миграции столицы опережают пригороды по интенсивности притока в возрастах 15–19 и, ненамного, – в 25–29 лет. Пристоличные территории явно более притягательны для лиц начиная с 30-летнего возраста, а также для семей с детьми 0–4 лет. Последняя возрастная группа может служить маркером тенденций к субурбанизации: именно приток семей с детьми и повышенная рождаемость в пригородах получили развитие в ЕС, США и других западных странах [30]. Региональные столицы во внутрироссийском миграционном обмене имели отток населения в возрасте 40–69 лет, в том числе во внутрирегиональной миграции – в 45–69 лет; т.е. люди в средних и пожилых возрастах в центры также не стремятся, но в пригородах спад притока с возрастом малозаметен.

На рис. 3 представлены топ-25 лидеров среди региональных столиц в притоке молодежи в возрасте поступления в вуз (15–19 лет). Именно этот возраст обеспечивает основную дифференциацию

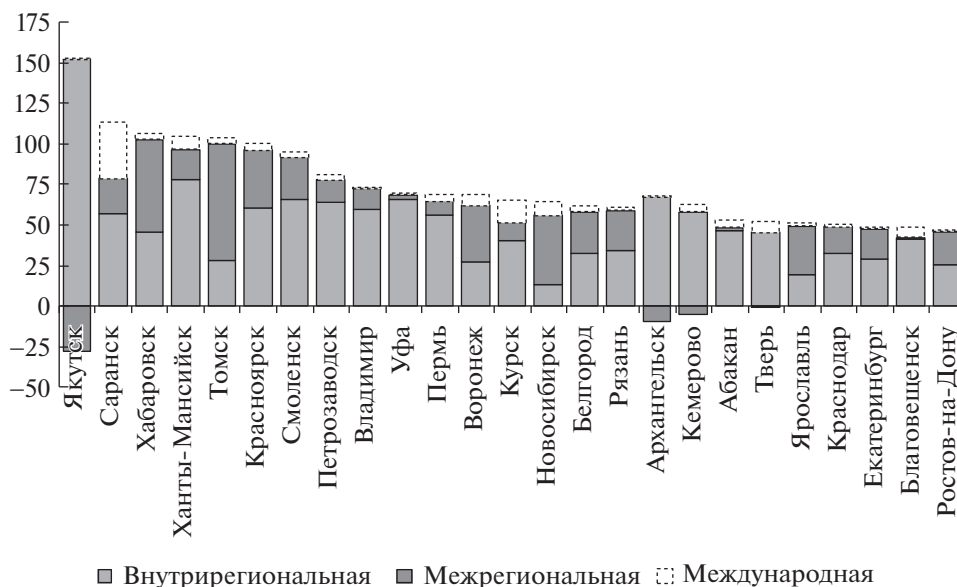

Рис. 3. Миграционный прирост (убыль) населения в возрасте 15–19 лет по компонентам, в среднем за год, 2012–2016 гг., на 1000 населения соответствующего возраста (первые 25 городов по значению показателя). *Источник:* Росстат, БДП-МО.

цию показателей миграционного баланса городов данного типа. Наиболее высокий суммарный миграционный прирост чаще всего обеспечивает значительный приток молодежи из других регионов. Поэтому на первых местах рейтинга – Хабаровск, Томск, Красноярск, Воронеж и Новосибирск – крупные в масштабах страны учебные центры, привлекающие много студентов из других регионов страны (на региональном уровне об этом см. [22]). Однако лидер по притоку молодежи – Якутск обеспечил экстремальный по интенсивности показатель исключительно за счет внутрорегиональной миграции, которая перекрыла даже выезд в другие регионы страны. Похожая ситуация – в Ханты-Мансийске и Архангельске. В целом интенсивность миграционного прироста населения в возрасте 15–19 лет в крупнейших региональных столицах (с числом жителей более 1 млн чел.) в среднем на 30% выше, чем в менее крупных центрах.

Все региональные столицы, испытывающие отток молодежи 15–19 лет в другие центры, не могли возместить его за счет притока с собственной периферии. Это, как правило, небольшие по размеру, расположенные на Северном Кавказе или на Севере региональные столицы, не имеющие развитой сети вузов. Два города – Грозный и Салехард – теряли молодежь даже во внутрорегиональном обмене.

Многие из представленных на рис. 3 городов имели интенсивный приток молодежи в более широкой возрастной группе – 15–29 лет. Значимый приток населения более старших возрастов

отмечался в немногих региональных столицах – Белгороде, Калуге, Калининграде, Тюмени.

При этом повсеместно (за исключением, пожалуй, Тюмени) миграционный прирост населения в возрасте 30 лет и старше в пригородах был выше, чем в центрах. Даже в Краснодаре, привлекательном для мигрантов всех возрастов, пригороды опережали город по темпам притока лиц в данном возрасте более чем на 30%, и основная доля этого прироста обеспечивалась межрегиональной миграцией.

Пригородные территории отличаются от региональных столиц более интенсивным притоком населения в средних и пожилых возрастах. Но и сами пригороды различаются между собой по значению данного показателя; на рис. 4 приведены города, пригороды которых имели в 2012–2016 гг. наиболее интенсивный приток населения в данных возрастах. По интенсивности притока населения 25–39 лет (возраст наиболее активного создания семей и рождения детей) большая часть пригородов крупнейших городов с населением более 1 млн находятся в числе лидеров, но не на самых лидирующих позициях. Если не принимать во внимание пригороды Благовещенска с экстремально высокими показателями, впереди – довольно средние по числу жителей столицы. По притоку лиц старше 30 лет перечень лидеров схож, но в нем стало больше пригородов в Центральной России (Кострома, Белгород), добавились Тюмень и Курган. Все это центры регионов, привлекательных для покидающих Север пенсионеров [7].

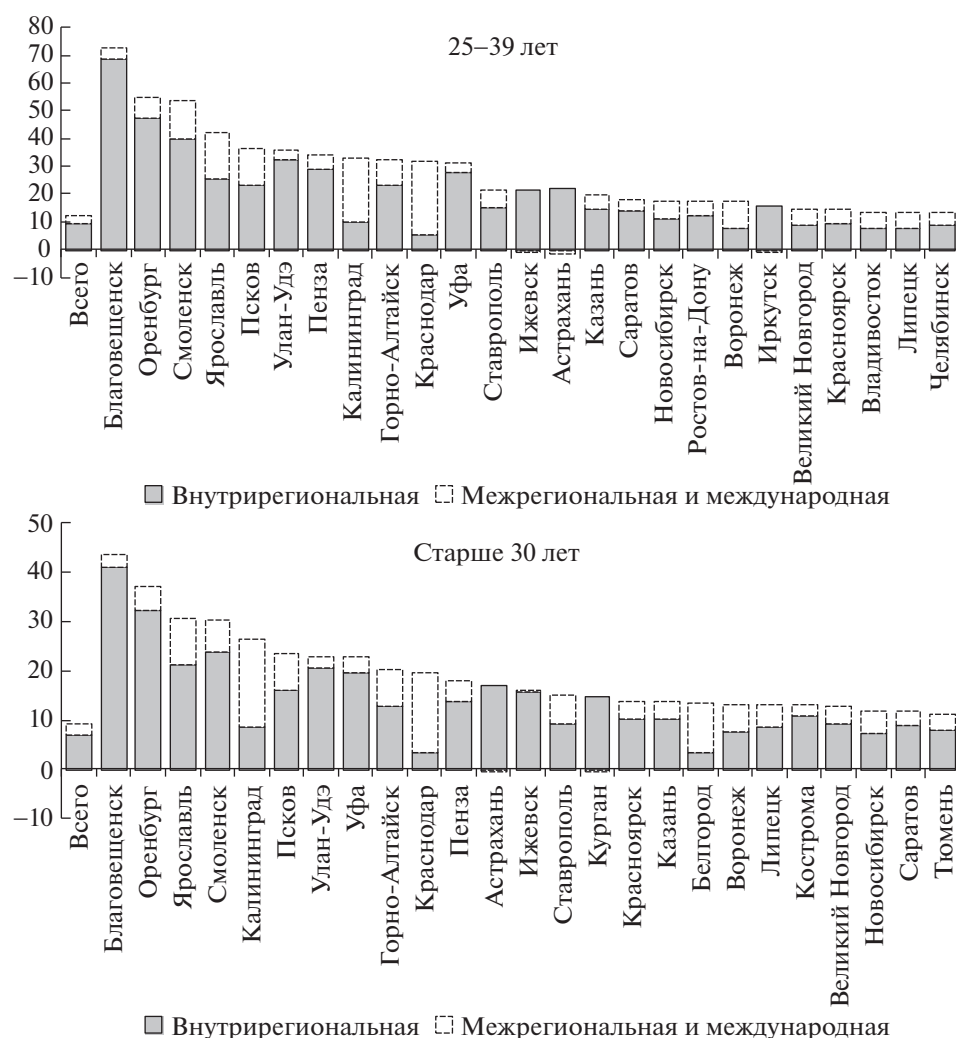

Рис. 4. Миграционный прирост (убыль) населения в возрасте 25–39 и старше 30 лет по компонентам, в среднем за год, 2012–2016 гг., на 1000 населения соответствующего возраста (первые 25 пристоличных зон городов по значению показателя). *Источник:* Росстат, БДПМО.

Основной приток в пригороды обеспечивает внутрирегиональная миграция, это может быть как следствие стягивания населения с внутрирегиональной периферии, так и результат субурбанизации (например, в пригородах Иркутска [4]). О реальном соотношении центробежных (субурбанизационных) и центростремительных потоков данные, используемые в данной статье, судить не позволяют.

Обратим внимание, что пригороды Краснодара, Калининграда, Ярославля, Белгорода в значительной мере осваиваются выходцами из других регионов России и других стран, что явно занижает вклад субурбанизационных процессов в динамику населения данных центров. Затрудняют оценку процессов субурбанизации и даже оказывают на нее сдерживающее влияние дачное расселение и финансовые ограничения — “финансовая

недоступность для большинства населения комфортного загородного жилья” [11, с. 329]; сами пригороды представляют собой гетерогенные зоны, в которых размещаются дачники, внешние мигранты и переселяющиеся в пригород обеспеченные горожане [15, с. 20].

Есть немало столиц, пригороды которых теряют население в средних и старших возрастах; зачастую они расположены на Северном Кавказе (Черкесск, Нальчик, Владикавказ) и на Севере (Архангельск, Мурманск, Ханты-Мансийск, Якутск). Неразвитость пригородов на Севере обусловлена прежде всего суровостью природных условий и общим оттоком населения в пожилых возрастах в южные регионы страны [7]. Отток из пригородов регионов Кавказа не поддается объяснению, возможно, имеет место несовершенство учета миграции.

ВЫВОДЫ

Региональные столицы и их пригороды — чуть ли не единственные точки позитивной динамики населения в подавляющем большинстве регионов России. В условиях близких к нулевым темпов естественного прироста населения в стране в целом и отрицательной динамики населения 2/3 регионов [1] этот прирост обеспечивается за счет миграции, которая ведет к концентрации населения в региональных столицах и ближайших к ним территориях. В центростремительном движении участвуют прежде всего молодые люди, поэтому позитивный баланс миграции оказывает омолаживающее влияние на население крупных городов, что улучшает показатели его воспроизводства.

При этом пригороды в среднем растут быстрее собственно центров, несмотря на идущее расширение территории региональных столиц, время от времени сопровождающееся административно-территориальными преобразованиями, придающими расширению юридический статус. Но структурная составляющая притока в пригороды имеет важное отличие от самих центров. Пристоличные территории не привлекательны для студентов, а поток семей, в том числе переселяющихся из региональных столиц, в определенной мере нивелируется притоком лиц предпенсионного и пенсионного возрастов, что сглаживает омолаживающий эффект семейной миграции.

Таким образом, центростремительное движение населения в России и ее регионах, продолжающее процесс урбанизации [15], по-разному распределяется между столицами и их пригородами. Возможности привлечения населения в столицы и их пригороды (исключая Москву и Санкт-Петербург) определяются следующим:

- общей миграционной привлекательностью региона, его географическим положением (включая природно-географическое). Наиболее яркими примерами могут служить Краснодарский край и Калининградская область. Сложнее иметь миграционный прирост столицам и их пригородам в регионах в восточной части страны, страдающим от западного дрейфа, и северных регионов, также испытывающих устойчивый на протяжении десятилетий миграционный отток;

- наличием развитой сети высших учебных заведений, привлекательных для молодежи не только своего, но и иных регионов — Томск, Новосибирск, Красноярск, Воронеж, Ростов-на-Дону, Хабаровск, в меньшей мере — Казань, Ярославль, Екатеринбург, Красноярск;

- сохраняющимися резервами миграции из периферийных территорий своего (иногда — соседних) регионов — Тюменская, Иркутская области, Ставропольский край, республики Башкортостан, Якутия, Бурятия и др. В целом региональ-

ные центры и их пригороды растут в большей мере за счет внутрирегиональной миграции, поэтому их миграционный баланс зависит от потенциала миграционного оттока “опекаемых” территорий. Если выезд с периферии велик в абсолютных масштабах, это обеспечит значительный миграционный прирост даже слабой столице.

При анализе миграции в России, оценке ее направлений и тенденций следует отходить от традиционного деления на городское и сельское население, не следует рассматривать города разного размера вне контекста их ближайшего окружения. Пригороды крупных и крупнейших городов, как показывает анализ, абсорбируют значительную часть миграционного притока, связанного с продолжающейся концентрацией населения. Идет также перераспределение населения между региональными столицами и их пригородами, но детальный анализ этого процесса остался в основном за рамками данной статьи: имеющаяся статистическая база не позволяет отследить его напрямую.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект Института географии РАН № 14-18-00083 “География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме”.

Acknowledgments. The study was fulfilled in the Institute of Geography, RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 14-18-00083 “Geography of recurrent mobility of population in rural-urban continuum”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бородина Т.Л.* Региональные особенности динамики населения России в постсоветский период // Изв. РАН. Сер. геогр. 2017. № 1. С. 47–61.
2. *Бреславский А.С.* Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / науч. ред. М.Н. Балдано. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 192 с.
3. *Бреславский А.С.* “Пригородная революция” в региональном срезе (Улан-Удэ) // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 1. С. 90–101.
4. *Григоричев К.В.* В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск, 2013. 248 с.
5. *Григоричев К.В.* Субрегиональные миграции и формирование пригорода сибирского города // Мир большого Алтая. 2017. № 1(3). С. 31–42.
6. *Емельянова Н.В., Серебренников Е.Н.* Социально-демографическая оценка качества жизни населения Иркутской агломерации // Вестн. Забайкальского ун-та. 2016. Т. 22. № 6. С. 96–107.
7. *Карачурина Л.Б., Иванова К.А.* Миграция пожилых в России (по данным переписи населения 2010 г.) // Региональные исследования. 2017. № 3(57). С. 51–60.

8. *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Изменение численности населения муниципальных образований РФ (1989–2010 гг.): центрально-периферийные взаимодействия // Вопросы географии. Сб. 135. География населения и социальная география. М.: ИД “Кодекс”, 2013. С. 82–107.
9. *Лейзерович Е.Е.* Ход концентрации населения в центральных частях субъектов РФ после 1990 года // Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ) // Сб. докладов XXV сессии МАРС / ред. С.С. Артоболевский, Л.М. Синцеров. М.: Институт географии РАН, 2008. С. 173–181.
10. *Махрова А.Г., Кириллов П.Л.* “Жилищная проекция” современной российской урбанизации // Региональные исследования. 2014. № 4. С. 134–144.
11. *Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Московская область сегодня и завтра: Тенденции и перспективы пространственного развития. М.: Новый хронограф, 2008. 344 с.
12. Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т.Г. Нефедова, К.В. Аверкиева, А.Г. Махрова. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
13. *Мкртчян Н.В.* Пристоличные территории России: динамика населения и миграционный баланс // Что мы знаем о современных российских пригородах? / отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 26–36.
14. *Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И.* Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.
15. *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? // Региональные исследования. 2017. № 2(56). С. 12–23.
16. *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Теория “дифференциальной урбанизации” и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков / отв. ред. А.Г. Махрова. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86.
17. *Ford T.* Understanding population growth in the peri-urban region // Int. J. Population Geogr. 1999. № 5(4). P. 297–311.
18. *Gnatiuk O.* Demographic dimension of suburbanization in Ukraine in the light of urban development theories // AUC Geographica [S.l.]. 2017. № 52(2). P. 151–163.
19. *Ioffe G., Zayonchkovskaya Zh.* Spatial shifts in the population of Moscow region // Euras. Geogr. Econ. 2011. № 52(4). P. 543–566.
20. *Karachurina L., Mkrtchyan N.* Population change in the regional centres and internal periphery of the regions in Russia, Ukraine and Belarus over the period of 1990–2000s // Bull. Geogr. Socio-econ. Ser. / Szymańska D. and Chodkowska-Miszczuk J. (Eds.). 2015. № 28. P. 91–111.
21. *Karachurina L., Mkrtchyan N.* The role of migration in enhancing settlement pattern contrasts at the municipal level // Reg. Res. Russ. 2016. V. 6. № 4. P. 332–343.
22. *Kashnitsky I., Mkrtchyan N., Leshukov O.* Interregional youth migration in Russia: A comprehensive analysis of demographic statistical data // Voprosy Obrazovaniya (Educational Studies). 2016. № 3. P. 169–203.
23. *Kulu H., Boyle P.J.* High fertility in city suburbs: Compositional or contextual effects? // Eur. J. Population. 2009. № 25(2). P. 157–174.
24. *Kurek S., Wojtowicz M., Galka J.* The changing role of migration and natural increase in suburban population growth: The case of a non-capital post-socialist city (The Krakow Metropolitan Area, Poland) // Moravian Geogr. Reports. 2015. № 23(4). P. 59–70.
25. *Nefedova T.G., Slepukhina I.L., Brade I.* Migration Attractiveness of Cities in the Post-Soviet Space: A Case Study of Russia, Ukraine, and Belarus // Reg. Res. Russ. 2016. V. 6. № 2. P. 131–143.
26. *Ourednfcek M.* Differential suburban development in the Prague urban region // Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. 2007. № 89(2). P. 111–126.
27. *Rérat P.* The New Demographic Growth of Cities: The Case of Reurbanisation in Switzerland // Urban Studies. 2012. № 49(5). P. 1107–1125.
28. *Sander N.* Internal migration in Germany, 1995–2010: New insights into East-West migration and re-urbanisation // Comparative Population Studies. 2014. № 39(2). P. 217–246.
29. *Tammaru T., Kulu H., Kask I.* Urbanization, Suburbanization, and Counterurbanization in Estonia // Euras. Geogr. Econ. 2004. № 45(3). P. 212–229.
30. *Vobecka J., Piguet V.* Fertility, Natural Growth, and Migration in the Czech Republic: an Urban-Suburban-Rural Gradient Analysis of Long-Term Trends and Recent Reversals // Population, Space and Place. 2012. № 18(3). P. 225–240.
31. *Wulff M., Lobo M.* The new gentrifiers: The role of households and migration in reshaping Melbourne’s core and inner suburbs // Urban Policy Res. 2009. № 27(3). P. 315–331.

Regional Capitals and Their Suburbs in Russia: Net Migration Patterns

N. V. Mkrtchyan^{1,2}

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: nmkrtchyan@hse.ru

Received March 05, 2018

Accepted July 27, 2018

Capital cities of the Russian regions and their suburbs demonstrate stability in terms of population increase. In this paper we define suburban areas for 72 regional centers of Russia (excluding Moscow oblast, Leningrad oblast and a set of other federal subjects) based on the proximity to the regional center. In our analysis we used net migration increase/decrease for 2012–2016 calculated on the basis of Municipal Formations' Indicators database, which also 1) distinguishing between intraregional, interregional and international migration and 2) distributing migration data across 5-year age groups. The analysis shows that net migration patterns of large cities and their suburbs have no regional peculiarities: regional centers and their suburban areas attractive for migrants dominate in all parts of the country reflecting the centripetal trend of migration. Suburbs from regional capitals on average are differed not only more intensive migration increase, but also the peculiarities of its structure. While centers attract mostly young people, primarily at the age of enrolling into a university, suburbs are more popular destinations for families with children, middle-aged people and the elderly.

Keywords: regional centers, suburban area, suburbs, migration, age of migrants, Russia.

REFERENCES

1. Borodina T.L. Regional features of population dynamics in Russia in the post-Soviet period. *Reg. Res. Russ.*, 2017, no. 1, pp. 47–61.
2. Breslavsky A.S. *Nezaplanirovannye prigorody: sel'sko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Ude v postsovetitskii period* [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period]. Baldano M.N., Ed. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ., 2014. 192 p.
3. Breslavsky A.S. "Suburban revolution": the regional case (Ulan-Ude). *Krest'yanovedenie*, 2017, vol. 2, no. 1, pp. 90–101. (In Russ.).
4. Grigorichev K.V. *V teni bol'shogo goroda: sotsial'noe prostranstvo prigoroda* [In the Shadow of the Big City: Social Space of Suburbs]. Irkutsk: Ottisk Publ., 2013. 248 p.
5. Grigorichev K.V. Subregional migrations and formation of suburbs of Siberian city. *Mir Bol'shogo Altaya*, 2017, no. 3(1), pp. 31–42. (In Russ.).
6. Yemelyanova N.V., Serebrennikov E.N. Socio-demographic assessment of the quality of life of the population of the Irkutsk agglomeration. *Vestn. Zabaikal'skogo Gos. Univ.*, 2016, vol. 22, no. 6, pp. 96–107. (In Russ.).
7. Karachurina L.B., Ivanova K.A. Migration of the elderly people in Russia (according to 2010 census data). *Regional'nye Issledovaniya*, 2017, no. 3(57), pp. 51–60. (In Russ.).
8. Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. Changes in population of administrative districts and cities of Russia (1989–2010): core-periphery proportions. In *Voprosy geografii. Sb. 135: Geografiya naseleniya i sotsial'naya geografiya* [Problems of Geography. Vol. 135: Geography of Population and Social Geography]. Alekseev A.I., Tkachenko A.A., Eds. Moscow: Kodeks Publ., 2013, no. 135, pp. 82–107. (In Russ.).
9. Leizerovich, E.E. Dynamics of population concentration in central regions of Russia after 1990. In *Transformatsiya rossiiskogo prostranstva: sotsial'no-ekonomicheskie i prirodno-resursnye faktory (polimasshtabnyi analiz). Sb. dokl. XXV sekcii MARS* [Transformation of Geographical Space in Russia: Socio-Economic and Natural Resources Factors (Multiscale Analysis). Proceedings of the XXV Session of International Academy of Regional Development and Cooperation]. Artolevsky S.S., Sintserov L.M., Eds. Moscow: Inst. Geogr. Ross. Akad. Nauk Publ., 2008, pp. 173–181. (In Russ.).
10. Makhrova A.G., Kirillov P.L. The 'housing dimension' of contemporary urbanization in Russia. *Regional'nye Issledovaniya*, 2014, no. 4, pp. 134–144. (In Russ.).
11. Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. *Moskovskaya oblast' segodnya i zavtra: tendentsii i perspektivy prostranstvennogo razvitiya* [Moscow Oblast Today and Tomorrow: Tendencies and Prospects of Spatial Development]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2008. 344 p.
12. *Mezhdum domom i... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii* [Between Home and... Home. Return Spatial Mobility of the Population of Russia]. Nefedova T.G., Averkieva K.V., Makhrova A.G., Eds. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2016. 504 p.
13. Mkrtchyan N.V. Suburban Areas of Russia: population dynamics and migration balance. In *Chto my znaem o sovremennykh rossiiskikh prigorodakh?* [Who do We Know about Contemporary Russian Suburbs?]. Breslavsky A.S., Ed. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ., 2017, pp. 26–36. (In Russ.).
14. Nefedova T.G., Pokrovsky N.E., Treivish A.I. Urbanization, de-urbanization and rural-urban communities in the context of growing horizontal mobility. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 2015, no. 12, pp. 60–69. (In Russ.).
15. Nefedova T.G., Treivish A.I. Transformation of settlement pattern in a present-day Russia: urbanisation or de-urbanisation? *Regional'nye Issledovaniya*, 2017, no. 2, pp. 12–23. (In Russ.).
16. Nefedova T.G., Treivish A.I. Differential urbanization theory and the hierarchy of Russian cities at the turn of the 21st century. In *Problemy urbanizatsii na rubezhe vekov* [Problems of Urbanization at the Turn of Centuries]. Makhrova A.G., Ed. Smolensk: Oikumena Publ., 2002, pp. 71–86. (In Russ.).
17. Ford T. Understanding population growth in the peri-urban region. *Int. J. Popul. Res.*, 1999, no. 5(4), pp. 297–311.
18. Gnatiuk O. Demographic dimension of suburbanization in Ukraine in the light of urban development theories. *AUC Geographica*, 2017, no. 52(2), pp. 151–163. DOI: 10.14712/23361980.2017.12

19. Ioffe G., Zayonchkovskaya Zh. Spatial shifts in the population of Moscow region. *Eurasian Geogr. Econ.*, 2011, no. 52(4), pp. 543–566.
20. Karachurina L., Mkrtchyan N. Population change in the regional centres and internal periphery of the regions in Russia, Ukraine and Belarus over the period of 1990–2000s. *Bulletin of Geography. Socio-Economic Series*. Szymańska D., Chodkowska-Miszczyk J., Eds. Toruń: Nicolaus Copernicus Univ., 2015, no. 28, pp. 91–111. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/bog-2015-0018>
21. Karachurina L., Mkrtchyan N. The role of migration in enhancing settlement pattern contrasts at the municipal level in Russia. *Reg. Res. Russ.*, 2016, no. 6(4), pp. 332–343.
22. Kashnitsky I., Mkrtchyan N., Leshukov O. Interregional youth migration in Russia: A comprehensive analysis of demographic statistical data. *Voprosy Obrazovaniya* (Educational Studies), 2016, no. 3, pp. 169–203.
23. Kulu H., Boyle P.J. High fertility in city suburbs: compositional or contextual effects? *Eur. J. Popul.*, 2009, no. 25(2), pp. 157–174. DOI: [10.1007/s10680-008-9163-9](https://doi.org/10.1007/s10680-008-9163-9)
24. Kurek S., Wojtowicz M., Galka J. The changing role of migration and natural increase in suburban population growth: The case of a non-capital post-socialist city (The Krakow Metropolitan Area, Poland). *Moravian Geogr. Reports*, 2015, no. 23(4), pp. 59–70. DOI: [10.1515/mgr-2015-0025](https://doi.org/10.1515/mgr-2015-0025)
25. Nefedova T.G., Slepukhina I.L. and Brade I. Migration attractiveness of cities in the post-soviet space: a case study of Russia, Ukraine, and Belarus. *Reg. Res. Russ.*, 2016, no. 6(2), pp. 131–143. DOI: [10.1134/S2079970516020088](https://doi.org/10.1134/S2079970516020088)
26. Ourednfcek M. Differential suburban development in the Prague urban region. *Geogr. Ann. B Hum. Geogr.*, 2007, no. 89(2), pp. 111–126. DOI: [10.1111/j.1468-0467.2007.00243.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0467.2007.00243.x)
27. Rérat P. The new demographic growth of cities: the case of reurbanisation in Switzerland. *Urban Stud.*, 2012, no. 49(5), pp. 1107–1125. DOI: [10.1177/0042098011408935](https://doi.org/10.1177/0042098011408935)
28. Sander N. Internal migration in Germany, 1995–2010: New insights into East-West migration and re-urbanisation. *Comp. Popul. Stud.*, 2014, no. 39(2), pp. 217–246. DOI: [10.12765/CPoS-2014-04en](https://doi.org/10.12765/CPoS-2014-04en)
29. Tammaru T., Kulu H. and Kask I. Urbanization, suburbanization, and counterurbanization in Estonia. *Eurasian Geogr. Econ.*, 2004, no. 45(3), pp. 212–229. DOI: [10.2747/1538-7216.45.3.212](https://doi.org/10.2747/1538-7216.45.3.212)
30. Vobecka J., Piguet V. Fertility, natural growth, and migration in the Czech Republic: an urban-suburban-rural gradient analysis of long-term trends and recent reversals. *Population, Space and Place*, 2012, no. 18(3), pp. 225–240. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/psp.698>
31. Wulff M., Lobo M. The new gentrifiers: The role of households and migration in reshaping Melbourne's core and inner suburbs. *Urban Policy Res.*, 2009, no. 27(3), pp. 315–331. DOI: [10.1080/08111140903112020](https://doi.org/10.1080/08111140903112020)